

Жизнь – не механический процесс, и она не может быть безопасной. Это непредсказуемое таинство. Никто не знает, что случится в следующее мгновение. Даже Бог, который, по-твоему, обитает где-то на седьмом небе, даже он – если он есть, – даже он не знает, что будет дальше! ...потому что если бы он знал, что будет дальше, жизнь была бы подделкой, все было бы расписано наперед, предопределено заранее. Как он может знать, что будет дальше, если будущее открыто? Если бы Бог знал, что случится в следующее мгновение, это сделало бы жизнь всего лишь мертвым механическим процессом. Тогда не было бы никакой свободы, а какая может быть жизнь без свободы? Тогда не было бы никакой возможности расти – или не расти. Если бы все было предопределено и не было бы ни славы, ни великолепия. Тогда вы были бы просто роботами.

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)

ХРАБРОСТЬ

Предисловие

Не говори: это неопределенность; назови это удивлением.

Не говори: это небезопасность; назови это свободой.

[Читать полный вариант книги](#)

Я здесь не для того, чтобы дать догму. Догма делает человека уверенным. Я здесь не для того, чтобы что-то пообещать на будущее – любое обещание создает определенность. Я здесь просто для того, чтобы сделать тебя бдительным и осозанным – то есть привести тебя в здесь-и-сейчас, во всей той незащищенности, что являет собою жизнь, во всей той неопределенности, что являет собою жизнь, во всей той небезопасности, что являет собою жизнь.

Я знаю, ты пришел сюда за некой определенностью, за неким кредо, «-измом»; в стремлении к чему-то принадлежать; в поисках кого-то, на кого можно было бы опереться. Ты пришел сюда из страха. Ты ищешь своего рода красивую тюрьму – в которой можно было бы жить без осознанности. Мне же хочется сделать тебя более незащищенным, неопределенным – потому что именно такова жизнь, именно таков Бог. Когда неопределенность и опасность велики, единственный способ отозваться на это – осознанность.

Есть две возможности. Либо ты закрываешь глаза и становишься догматичным, становишься христианином, индуистом или мусульманином... и тогда превращаешься в страуса. Это ничего не меняет в жизни, это просто закрывает тебе глаза. Это просто делает тебя глупым, это просто делает тебя неразумным. В своей глупости ты чувствуешь себя в безопасности – все идиоты чувствуют себя в безопасности. Фактически, только идиоты чувствуют, что они в безопасности. По-настоящему живой человек всегда чувствует себя в небезопасности. Какая у него может быть безопасность?

Жизнь – не механический процесс, и она не может быть безопасной. Это непредсказуемое таинство. Никто не знает, что случится в следующее мгновение. Даже Бог, который, по-твоему, обитает где-то на седьмом небе, даже он – если он есть, – даже он не знает, что будет дальше! ...потому что если бы он знал, что будет дальше, жизнь была бы подделкой, все было бы расписано наперед, предопределено заранее. Как он может знать, что будет дальше, если будущее открыто? Если бы Бог знал, что случится в следующее мгновение, это сделало бы жизнь всего лишь мертвым механическим процессом. Тогда не было бы никакой свободы, а какая может быть жизнь без свободы? Тогда не было бы никакой возможности расти – или не расти. Если бы все было предопределено и не было бы ни славы, ни великолепия. Тогда вы были бы просто роботами.

Нет! – ничто не предопределено. Вот мое послание. Ничто не может быть определенным, потому что застывшая жизнь была бы хуже смерти. Ничто не определено. Жизнь полна неуверенности, полна неожиданностей – в этом ее красота! Никогда нельзя прийти к точке, в которой ты мог бы сказать: «Теперь я уверен». Если ты говоришь, что уверен, ты просто объявляешь о своей смерти; ты совершил самоубийство.

Жизнь продолжает двигаться в тысяче и одной неопределенности. Это ее свобода. Не называй ее небезопасностью.

Я могу понять, почему ум называет свободу «небезопасностью»... Не доводилось ли тебе провести несколько месяцев или лет в тюрьме? Если ты провел несколько лет в тюрьме... когда приходит день выйти на свободу, заключенный начинает чувствовать неуверенность в завтрашнем дне. В тюрьме все было определено; все было мертвым и рутинным. Его обеспечивали едой, ему предоставляли защиту, он не боялся остаться завтра голодным, остаться без еды – не было ничего подобного, все было определено. И вот внезапно, через много лет, тюремщик подходит к нему и говорит: «Тебя скоро выпустят». Он дрожит. Снаружи, вне стен тюрьмы, вновь появится небезопасность, вновь ему придется искать, исследовать, вновь ему придется жить свободно.

Свобода вызывает страх. Люди говорят о свободе и в то же время боятся ее. Но человек еще не человек, если он боится свободы. Я даю тебе свободу. Я даю тебе понимание. Я не даю знания. Знание сделало бы тебя уверенным. Если я дам тебе формулировку, готовую формулировку, что есть Бог и Святой Дух, и едиnorodный сын Иисус; есть Ад и Рай, хорошие и плохие поступки; грехи, и окажешься в Аду, делай то, что я называю добродетельным, и попадешь в Рай – всему конец! – ты уверен. Именно поэтому столько людей решило быть христианами, индуистами, мусульманами, джайнами – они не хотят свободы, они хотят застывших формулировок.

Один человек умирал – внезапно, в дорожной аварии. Люди не знали, что он был евреем, поэтому позвали ему священника, католического священника. Он склонился к этому человеку – умирающему, стоящему на пороге смерти – и спросил:

- Веришь ли ты в Единство Бога-Отца, Святого Духа и Сына?

Умирающий открыл глаза и пробормотал:

- Надо же, я умираю, а он загадывает головоломки!

Когда смерть постучится в двери, все те вещи, в которых вы так уверены, окажутся просто головоломками, глупостями. Не цепляйтесь за определенные вещи. Жизнь неопределенна – сама ее природа неопределенна. И разумный человек всегда остается неуверенным.

Сама готовность оставаться неуверенным суть храбрость. Сама готовность быть в небезопасности суть доверие. Разумен тот, кто остается бдительным в любой ситуации – и откликается на нее всем сердцем. Не то что бы он знал, что будет дальше; не то что бы он знал: «Сделай вот так, и получится вот это». Жизнь это не наука; это не причинно-следственная цепь. Нагрей воду до ста градусов, и она испарится – это определено. Но в реальной жизни ничто так не определено.

Каждая индивидуальность – это свобода, непознанная свобода. Невозможно ее предсказать, невозможно от нее ничего ожидать. Жить следует в осознанности и понимании.

Ты приходишь ко мне в поисках знания; ты хочешь вцепиться в готовые формулировки. Я не дам никаких формулировок. Фактически, если у тебя и есть какие-то формулировки, я их отниму! Мало-помалу я разрушу твою уверенность; мало-помалу я заставлю тебя колебаться все больше; мало-помалу я приведу тебя в большую и большую небезопасность. Вот единственное, что нужно сделать. Вот единственное, что должен сделать Мастер! – оставить тебя в полной свободе. В полной свободе, когда все возможности открыты, ничто не закреплено... тебе придется быть осознанным, тебе не останется ничего другого.

Вот что я называю пониманием. Если ты понимаешь, небезопасность становится неотъемлемой частью жизни – и хорошо, что это так, потому что это делает жизнь свободной, это делает жизнь постоянной неожиданностью. Человек никогда не знает, что будет дальше. Это удерживает его в постоянном удивлении. Не говори: это неопределенность; назови это

удивлением. Не говори: это небезопасность; назови это свободой.

Что такое храбрость?

Поначалу разница между трусом и храбрым человеком невелика. Вот единственная разница: трус прислушивается к своим страхам и следует им, храбрый же человек откладывает их в сторону и идет вперед. Храбрый идет в неведомое вопреки всем страхам.

Храбрость означает: идти в неведомое вопреки всем страхам. Храбрость не значит бесстрашие. Бесстрашие случается, если ты продолжаешь быть храбрым, все более храбрым. Это предельный опыт храбрости – бесстрашие; это цветение храбрости, которая стала абсолютной. Поначалу разница между трусом и храбрым человеком невелика. Вот единственная разница: трус прислушивается к своим страхам и следует им, храбрый же человек откладывает их в сторону и идет вперед. Храбрый идет в неведомое вопреки всем страхам. Он знает, что такое страх; ему бывает страшно.

Когда ты отплываешь в необозначенные на картах моря, – как Колумб, – в тебе есть страх, безмерный страх, потому что никто не знает, что будет дальше. Ты покидаешь берег безопасности. У тебя, в определенном смысле, все было хорошо; недоставало лишь одного – приключения. Когда ты идешь в неизвестное, это приводит тебя в трепет. Вновь начинает биться сердце; снова ты жив, всецело жив. Жизнь пульсирует в каждой фибре твоего существа, потому что ты принял вызов неведомого.

Принять вызов неведомого вопреки всем страхам – вот что такое храбрость. Страхи есть, но если ты вновь и вновь принимаешь вызов, постепенно эти страхи исчезают. Опыт радости, которую приносит неведомое, придает тебе достаточно сил, наделяет тебя некой цельностью, обостряет разум. Впервые ты начинаешь чувствовать, что жизнь не только нудна, но и полна приключений. Тогда мало-помалу страхи исчезают; тогда ты все время ищешь приключений.

Но в своей основе храбрость означает: рискнуть известным ради неизвестного, знакомым – ради незнакомого, удобным – ради неудобного; это тяжкое паломничество к неизвестной точке назначения. Человек никогда не знает, получится у него что-то или нет. Это азартная игра – но лишь игроки знают, что такое жизнь.

Дао храбрости

Жизнь не слушается твоей логики; она продолжается по-своему, ни о чем не беспокоясь. Жизни должен слушаться ты; она не послушается твоей логики, ее не волнует твоя логика.

Что ты видишь, двигаясь в жизни? Налетает сильная буря, большие деревья падают. Согласно Чарльзу Дарвину, как раз они должны бы выжить, потому что они самые крепкие, сильные, могучие. Посмотри на древнее дерево, в триста футов высотой, в три тысячи лет от роду. Само присутствие этого дерева рождает силу, дает ощущение силы и мощи. Миллионы корней проросли глубоко в землю, и дерево возвышается во всей своей мощи. Конечно, дерево борется – оно не хочет ни уступать, ни сдаваться, – но после бури оно лежит, поваленное; оно больше не живо, его мощи пришел конец. Буря была слишком сильной – буря всегда сильнее, потому что буря приходит от целого, а дерево – это просто индивидуальность.

Есть небольшие растения, обычная трава – когда приходит буря, трава уступает, и буря не может причинить ей никакого вреда. Самое большее, она даст ей хороший душ, вот и все; она смывает всю накопившуюся грязь. Приняв хорошую ванну, после бури небольшие растения и травы снова радостно танцуют. У травы почти нет корней, ее может выдернуть из земли ребенок, но она победила бурю. Как же так?

Трава последовала пути Дао, пути Лао-цзы, а большое дерево – Чарльзу Дарвину. Большое дерево было очень логично: оно попыталось воспротивиться, проявить свою силу. Пытаясь проявить силу, ты будешь побежден. Все гитлеры, наполеоны, александры – большие деревья, сильные деревья. Они будут побеждены. Лао-цзы подобны небольшим растениям: никто не может их победить, потому что они всегда готовы поддаться. Как можно победить того, кто уступает, кто говорит: «Я уже побежден», кто говорит: «Господин, наслаждайся победой и ни о чем не беспокойся. Я уже побежден». Даже Александр почувствует себя бессильным перед Лао-цзы; он ничего не сможет сделать.

Это случилось; было именно так...

Один санньясин, мистик по имени Дандамис, жил во времена Александра. Когда Александр собирался завоевывать Индию, друзья попросили его привезти оттуда санньясина, потому что эти редкие цветы цветут только в Индии. Они сказали:

- Привези санньясина. Ты привезешь многое, но не забудь привезти санньясина; мы хотели бы ознакомиться с явлением санньясы: что это такое, что такое санньясин?

Он был так увлечен войной, борьбой и сражениями, что почти забыл об этом, но на обратном пути, на самой границе Индии, внезапно вспомнил. Покидая последнюю деревню, он послал своих солдат пойти и узнать, нет ли где-нибудь поблизости санньясина. Случайно оказалось так, что Дандамис жил у реки в той же деревне, и люди сказали:

- Тебе повезло, ты пришел вовремя. Санньясинов много, но настоящие санньясины редки, и один из них сейчас здесь. Ты можешь получить даршан, ты можешь пойти и посетить его.

Александр рассмеялся:

- Я здесь не ради даршанов, мои солдаты пойдут и приведут его. Я увезу его с собой в столицу моей страны.

- Это будет нелегко... – сказали жители деревни.

Александр не мог поверить – какие могут быть трудности? Он побеждал императоров, великих королей, какие же трудности могут быть с нищим, с санньясином? Его солдаты пошли

разыскать этого Дандамиса, который стоял, обнаженный, на берегу реки. Они сказали:

- Александр Великий приглашает тебя сопровождать его в его страну. Тебе будут предоставлены все удобства, какие ты только пожелаешь. Ты будешь королевским гостем.

Гольй факир рассмеялся и сказал:

- Пойдите и скажите своему хозяину, что человек, называющий себя великим, не может в самом деле быть великим. Никто никуда не может меня привести – санньясин движется как облако, в полной свободе. Никто не может меня поработить.

- Должно быть, ты слышал об Александре, – сказали они, – это опасный человек. Если ты откажешь ему, он не послушает, он просто отрубит тебе голову!

- Лучше приведите своего хозяина сюда, – сказал он, – может быть, он меня поймет.

И Александру пришлось прийти самому, потому что солдаты вернулись и сказали:

- Это редкий человек, сияющий, и его окружает нечто от неведомого. Он голый, но в его присутствии не чувствуешь его наготы – это вспоминается позже. Он так силен, что в его присутствии просто забывается все на свете. Он притягателен как магнит, и его окружает великое молчание, и все вокруг словно радуется этому человеку. Он стоит того, чтобы с ним увидеться, но кажется, ему, бедняге, придется плохо, потому что он говорит, что никто никуда не может его увести, что никто не может сделать его своим рабом.

Александр пришел к нему с обнаженным мечом в руках. Дандамис рассмеялся и сказал:

- Опустить меч, здесь он не поможет. Вложи его в ножны; он бесполезен, потому что ты можешь только разрубить мое тело, а его я и так давно покинул. Твой меч не может меня разрубить, поэтому вложи его в ножны, не ребячься.

И говорят, впервые в жизни Александр последовал приказу кого-то другого – просто потому, что в самом присутствии этого человека он не мог вспомнить, кто он такой. Он вложил меч в ножны:

- Я никогда не встречал такого красивого человека. И вернувшись в лагерь, он рассказал:

- Трудно убить человека, который готов умереть, его убивать бессмысленно. Можно убить человека, который готов сражаться, тогда в этом есть какой-то смысл; но нельзя убить человека, который готов и говорит: «Вот моя голова, можешь ее отрубить».

И Дандамис в самом деле сказал:

- Вот моя голова, можешь ее отрубить. Когда голова упадет, ты увидишь, как она падает на песок; я тоже увижу, как она падает на песок, потому что я – не мое тело. Я свидетель.

Александру, вернувшись, пришлось сказать своим друзьям:

- Там были санньясины, которых я мог привезти, но они не были настоящими санньясинами. Потом я столкнулся с человеком действительно редким – то, что вы слышали, правда, это редкий цветок, но никто не может его ни к чему принудить, потому что он не боится смерти. Если человек не боится смерти, как его заставить?

Именно страх делает тебя рабом – именно страх. Когда ты бесстрашен, ты больше не раб; фактически, именно страх заставляет вас поработать других – прежде чем они смогут поработать вас.

Человек, который бесстрашен, никого не боится сам и не стремится внушать страх другим. Страх исчезает полностью.

Путь сердца

Слово «храбрость» очень интересно. Оно происходит от латинского корня «кор» [1], что значит «сердце». Слово храбрость происходит от корня кор – кор означает «сердце», – поэтому быть храбрым – значит жить из сердца. Слабаки и только слабаки живут из головы; испуганные, они окружают себя защитой логики. Полные страха, они закрывают все двери и окна – теологией, концепциями, словами, теориями – и прячутся внутри, за закрытыми дверями и окнами.

Путь сердца это путь храбрости. Это значит жить в опасности; это значит жить в любви, в доверии; это значит двигаться в неизвестное. Это значит покинуть прошлое и позволить быть будущему. Храбрость означает: идти опасным путем. Жизнь опасна, и только трусы могут избегать опасности – но тогда они уже мертвы. Человек, который жив, жив по-настоящему, жив до трепета, он всегда движется в неизвестное. Это опасно, но он идет на риск. Сердце всегда готово рискнуть, сердце всегда азартно. Голова - бизнесмен. Голова всегда рассчитывает – она коварна. Сердцу чужд расчет.

Английское слово «храбрость» красиво и очень интересно. Жить из сердца, значит обнаружить его смысл. Поэт живет из сердца, и постепенно, в сердце, он начинает слушать звуки неизвестного. Голова не может слушать; она всегда далека от неизвестного. Голова наполнена известным.

Что такое твой ум? Это все то, что тебе известно. Это прошлое, мертвое, ушедшее. Ум есть не что иное, как накопленное прошлое, память. Сердце есть будущее; сердце это всегда надежда, сердце всегда где-то в будущем. Голова думает о прошлом, сердце мечтает о будущем.

Будущему еще предстоит прийти. Будущее еще наступит. В будущем все еще есть возможность – оно наступит, оно уже наступает. В каждое мгновение будущее становится настоящим, а настоящее – прошлым. В прошлом никакой возможности нет, оно уже использовано. Ты уже отошел от него – оно исчерпано, это мертвая вещь, могила. Будущее подобно семени; оно наступает, всегда наступает, всегда приходит и встречается с настоящим. Ты всегда в движении. Настоящее есть не что иное, как движение в будущее. Это шаг, который ты уже совершил; это вступление в будущее.

Каждый в мире хочет быть истинным, потому что истина приносит столько радости, такое изобилие блаженства – зачем быть фальшивым? Ты должен набраться храбрости для немного более глубокого прозрения: почему ты боишься? Что может сделать с тобой мир? Люди могут посмеяться над тобой; это пойдет им на пользу – смех всегда целебен, полезен для здоровья. Люди подумают, что ты сумасшедший... ты не станешь сумасшедшим только потому, что люди подумают, что ты сумасшедший.

И если ты подлинный – в своей радости, в своих слезах, в своем танце, рано или поздно найдутся люди, которые начнут тебя понимать, которые, может быть, даже присоединятся к каравану. Я сам начал путь один, затем стали приходить люди, и теперь это всемирный караван! Я никого не приглашал; я просто делал то, что чувствовал, что приходило из сердца.

Я ответствен перед своим сердцем, ни перед кем другим в этом мире. Так же и ты ответствен лишь перед собственным существом. Не иди против него, потому что идти против него, значит совершить самоубийство, разрушить себя. Что ты выиграешь?

Даже если люди будут тебя чтить, считать очень трезвым, уважаемым, уважаемым человеком, ничто это не будет питать твое существо. Ничто это не даст тебе прозрения в жизнь и ее безмерную красоту.

Сколько миллионов людей жило до тебя на этой Земле? Ты даже не знаешь их имен; жили они или нет, уже неважно. Были святые и грешники, были очень уважаемые люди, были всевозможные эксцентрики, сумасшедшие, но все они исчезли – и даже следа от них не осталось на Земле.

Единственной твоей заботой должно быть, лелеять и защищать качества, которые ты можешь взять с собой, когда смерть разрушит твое тело, твой ум, потому что лишь эти качества будут твоими спутниками. Лишь это настоящие ценности, и лишь люди, достигшие их, по-настоящему живут – они, и только они; другие только притворяются, что живут.

КГБ стучится в двери к Юселью Финкельштейну. Юсель открывает дверь.

- Здесь живет Юсель Финкельштейн?

- Нет, – отвечает Юсель, стоя в дверном проеме в полосатой пижаме.

- Нет? Как же тебя зовут?

- Юсель Финкельштейн. Кэгэбэшник сшибает его с ног и орет:

- Почему ты только что сказал, что ты здесь не живешь?

- Ты называешь это жизнью?

Сама по себе жизнь это не всегда жизнь. Посмотри на свою жизнь. Можешь ли ты назвать ее благословением? Можешь ли ты назвать ее алтарем, даром существования? Хотел бы ты, чтобы она была тебе дана вновь и вновь?

Не слушайся священных писаний – слушай свое сердце. Вот единственная заповедь, которую я могу предписать: слушай внимательно, очень сознательно, и ты никогда не ошибешься. И, слушая сердце, ты никогда не будешь расщеплен. Слушая свое сердце, ты начнешь двигаться в правильном направлении, никогда даже не задумываясь о том, правильно оно или нет.

Всем искусством нового человечества, будет секрет слушания сердца: сознательно, бдительно, внимательно. И, следуя ему, иди, куда бы оно тебя ни привело. Да, иногда оно приведет тебя в опасность – но тогда вспомни, опасности нужны, чтобы сделать тебя зрелым. Иногда оно заставит тебя заблудиться – но снова вспомни, эти заблуждения являются частью роста. Много раз ты упадешь – поднимись снова, потому что именно так человек набирается сил: падая и снова вставая. Именно так человек становится интегрированным, цельным.

Но не следуй правилам, навязанным другими извне. Никакое навязанное правило не может быть правильным – потому что эти правила изобретены людьми, которые хотят тобой править! Да, иногда мир знал и великих просветленных – Будду, Иисуса, Кришну, Мухаммеда. Они давали миру не правила, они давали миру любовь. Но рано или поздно ученики собираются и начинают вырабатывать правила поведения. Лишь только Мастер ушел, лишь только свет померк, оставшись во тьме, они начинают нащупывать правила, которым можно было бы следовать, потому что теперь света, в котором они могли видеть, больше нет. Теперь им приходится опираться на правила.

То, что делал Иисус, было шепотом его собственного сердца, но то, что продолжают христиане, – не шепот их собственных сердец. Они подражатели – а в то мгновение, когда ты становишься подражателем, ты оскорбляешь свою человечность, ты оскорбляешь своего Бога.

Никогда не будь подражателем, всегда будь оригиналом. Не становись копией под копирку. Но именно это происходит во всем мире – копии с копий...

Жизнь не может быть настоящим танцем, если ты не оригинал – и тебе предназначено быть оригиналом. Посмотри только, как Кришна отличается от Будды! Если бы Кришна следовал Будде, мы лишились бы одного из самых красивых людей на этой Земле. Или, если бы Будда

следовал Кришне, он был бы просто убогим. Только представь себе Будду играющим на флейте! – он отравил бы сон многим людям, он был бы ужасным флейтистом. Просто представь Будду танцующим; это выглядит так смехотворно – просто абсурд.

И то же самое – Кришна... сидя под деревом, без флейты, без короны из павлиньих перьев, без прекрасных одежд – просто сидя как нищий под деревом с закрытыми глазами, – никто вокруг него не танцует, никто не поет, – Кришна был бы таким бедным, убогим. Будда есть Будда, Кришна есть Кришна, а ты есть ты. И ты ни в каком смысле не меньше кого-либо другого. Уважай себя, уважай свой внутренний голос и следуй ему. И запомни, я тебе не гарантирую, что он всегда поведет тебя правильно. Много раз он ошибется, ибо, прежде чем прийти к нужной двери, человек должен постучать во множество ненужных. Это именно так. Если внезапно ты натыкаешься на правильную дверь, то не можешь распознать, что она правильна. Поэтому запомни, по большому счету никакое усилие никогда не потрачено впустую; все усилия вносят вклад в высочайший пик, предельную кульминацию твоего роста.

Поэтому не стоит колебаться, не стоит слишком тревожиться о том, как бы не пойти в неправильном направлении. Это одна из проблем: людей всегда учат никогда не делать ничего неправильного, и они становятся такими колеблющимися, такими испуганными, так боятся сделать что-то неправильно, что вообще застревают. Они не могут двинуться с места, потому что может случиться что-то неправильное. И они становятся как камни, теряют всю подвижность.

Делай как можно больше ошибок, только помни одно: не совершай одну и ту же ошибку дважды. И ты будешь расти. Право сбиться с пути входит в твою свободу, право пойти против – даже против Бога – есть часть твоего достоинства. И иногда красиво пойти даже против Бога. Именно таким образом у тебя вырабатывается внутренний стержень; миллионы людей вокруг совершенно бесхребетны. Забудь обо всем, что тебе говорили: «Это правильно, это неправильно». Жизнь не такая окостеневшая. Правильное сегодня, может быть неправильным завтра; неправильное в это мгновение может быть правильным в следующее. Жизнь нельзя разложить по полочкам; ты не можешь так просто обклеить ее этикетками: «Правильно», «Неправильно». Жизнь это не аптека, в которой каждая бутылочка подписана, и ты знаешь, что внутри.

Жизнь это таинство: в одно мгновение что-то подходит, и это правильно; следующее мгновение, – и уже столько воды утекло в Ганге, что это больше не подходит, это неправильно.

Что я называю правильным? То, что гармонирует с существованием, правильно; то, что в дисгармонии с существованием, неправильно. Тебе нужно быть очень бдительным в каждое мгновение, потому что в каждое мгновение придется решать заново. Ты не сможешь опираться на готовые ответы о правильном и неправильном. Только дураки опираются на готовые ответы, потому что тогда можно не быть разумным, нет никакой необходимости. Ты уже знаешь, что правильно и неправильно, ты можешь заучить список наизусть; он не очень длинный.

Вот Десять Заповедей – так просто! – и ты знаешь, что правильно, а что – нет. Но жизнь постоянно продолжает изменяться. Не думаю, что если Моисей вернется, он даст те же самые десять заповедей – не может быть. Как можно дать те же самые заповеди через три тысячи лет? Ему придется придумать что-то новое.

Но в моем собственном понимании, если даются заповеди, они только осложняют людям жизнь, потому что устаревают уже к тому времени, как даны. Жизнь движется так быстро; она динамична, не статична. Это не застойный пруд, это Ганг, который постоянно течет.

Жизнь никогда не остается прежней даже в два мгновения, следующие друг за другом. Поэтому одно и то же может быть правильным в это мгновение, и неправильным в следующее.

Что же тогда делать? Единственный выход – сделать людей осознанными настолько, чтобы

они могли сами решить, как откликнуться на изменяющуюся жизнь.

Дзэнская история:

Два храма соперничали друг с другом. Два их Мастера – наверное, это были так называемые Мастера, должно быть, на самом деле это были священники – не выносили друг друга до такой степени, что запрещали своим последователям даже смотреть на другой храм.

У каждого из священников был мальчик для услуг. Священник первого храма сказал своему молодому слуге:

- Никогда не разговаривай со слугой из другого храма. Эти люди опасны.

Но мальчишки есть мальчишки. Однажды они встретились на дороге, и мальчик из первого храма спросил второго:

- Куда ты идешь?

- Куда меня принесут ветры, – ответил второй. Наверное, у себя в храме он слышал великие дзэнские учения; он сказал: «Куда меня принесут ветры». Великие слова, сущее Дао.

Но первый мальчик был так смущен и обижен, что не нашелся с ответом. В разочаровании и гневе, к которым примешивалось чувство вины... «Мой мастер запретил мне разговаривать с этими людьми. Эти люди действительно опасны. Что это за ответ? Он унижил меня».

Он отправился к своему мастеру и рассказал ему о случившемся.

- Прости, что я с ним заговорил. Ты был прав, это странные люди. Что это за ответ? Я спросил его, куда он идет – простой, формальный вопрос – зная, что точно так же как и я, он идет на рынок. Но он ответил: «Куда меня принесут ветры».

Мастер сказал:

- Я тебя предупреждал, но ты не послушался. Теперь смотри, завтра встань на том же месте. Когда он придет, снова спроси его, куда он идет, и он ответит: «Куда меня принесут ветры». Тогда покажи, что и ты немного философ. Скажи: «А если у тебя нет ног?» – потому что душа бестелесна, и ветер не может ее нести – «...Что тогда?»

Мальчик хотел подготовиться как можно лучше; всю ночь он снова и снова повторял свой ответ. На следующее утро он встал очень рано, пришел на то же место, и точно вовремя появился второй слуга. Первый был очень доволен: сейчас он покажет, что такое настоящая философия. И вот он спросил второго, куда тот идет, и стал ждать ответа...

Но второй мальчик ответил:

- На рынок за овощами.

Как теперь быть с выученной философией?

Такова жизнь. Ты не можешь к ней подготовиться, ты не можешь быть к ней готовым. Именно в этом ее красота, в этом ее чудо: она всегда застигает тебя врасплох, она всегда приходит неожиданно. Если у тебя есть глаза, ты увидишь, что каждое мгновение жизнь неожиданна, и к ней не применим никакой готовый ответ.

Путь разума

Быть разумным, значит быть живым, быть разумным, значит быть спонтанным... Быть открытым, уязвимым. Это беспристрастность, это храбрость, действовать без предварительных заключений. Почему я говорю, что это храбрость? Это храбрость потому, что когда ты действуешь из заключения, заключение защищает тебя; заключение обеспечивает тебе безопасность, защищенность. Ты его хорошо знаешь, ты знаешь, как ты к нему пришел, ты в нем очень умел. Действовать без заключения, значит действовать из невинности. Нет никакой определенности, и ты можешь пойти не в ту сторону, можешь сбиться с дороги.

Человек, который готов пуститься в поиск, называемый истиной, должен быть также готов совершить много промахов, ошибок – он должен уметь рисковать. Он может сбиться с пути, но именно так он прибывает к назначению. Много, много раз сбиваясь с пути, человек научается не сбиваться с пути. Совершая много ошибок, человек узнает, что такое ошибка и как ее не совершить. Познавая, что такое ошибка, человек подходит ближе и ближе к истине. Это исследование индивидуально; полагаться ни на какие чужие заключения нельзя.

Ты родился не-умом. Пусть это просочится тебе в сердце как можно глубже, потому что это открывает двери. Если ты родился не-умом, тогда ум – просто дело рук общества. Он не природен, он был в тебя вживлен. Он был наложен поверх тебя. Глубоко внутри ты по-прежнему свободен, ты можешь из него выбраться. Человек никогда не может выйти из своей природы, но из искусственного он может выйти в то самое мгновение, когда решит это сделать.

Существование предшествует мышлению. Так, существование это не состояние ума, это состояние за его пределами. Путь к познанию фундаментального – быть, а не думать. Наука предполагает мышление, философия предполагает мышление, теология предполагает мышление. Религиозность – не значит мышление. Религиозный подход это не мыслительный подход. Он интимнее, он подводит тебя ближе к реальности. Он отбрасывает все, что преграждает путь, он разблокирует тебя; ты начинаешь течь в жизнь. Ты не думаешь, что отделен, когда смотришь. Ты не считаешь себя наблюдателем, отстраненным, отрешенным. Ты встречаешься, таешь и вливаешься в реальность.

Есть иной способ познания. Его нельзя назвать «знанием». Он скорее подобен любви, чем знанию. Он так интимен, что слова «знание» недостаточно, чтобы его выразить. Слово «любовь» адекватнее, выразительнее.

Первым, что эволюционировало во всей истории человеческого сознания, было волшебство. Волшебство было сочетанием науки и религии. В волшебстве есть нечто от ума и нечто от не-ума. Затем из волшебства выросла философия. Затем из философии выросла наука. Волшебство было и не-умом, и умом одновременно. Философия была только умом. Теперь, сумма ума и эксперимента, есть наука. Религиозность есть состояние не-ума.

Религиозность и наука – это два подхода к реальности. Наука подходит через вторичное; религиозность идет прямо. Наука это косвенный подход; религиозность – непосредственный подход. Наука ходит кругами; религиозность же просто проникает в сердце реальности.

Еще одно... Мышление может думать об уже известном – пережевывать уже пережеванное. Мышление никогда не может быть оригинальным. Как можно думать о неизвестном? Все, о чем бы ты только ни смог подумать, относится к известному. Ты можешь думать только потому, что уже знаешь. Самое большее, мышление может создать новые сочетания. Ты можешь думать о лошади, которая летает по небу и сделана из золота, но в этом нет ничего нового. Ты знаешь птиц, которые летают по небу, ты знаешь золото, ты знаешь лошадей; ты сводишь три

компонента вместе. Самое большое, мышление способно создать новые сочетания, но оно не может познать неизвестное. Неизвестное остается за его пределами. Так, мышление движется по кругу, продолжая вновь и вновь узнавать узанное. Оно продолжает пережевывать пережеванное. Мышление никогда не оригинально.

Столкнуться с реальностью оригинально, радикально, приблизиться к реальности без всякого посредника – подойти к реальности так, словно ты первый в существовании человек – вот освобождение. Сама эта новизна освобождает.

Истина это опыт, не верование. Истина никогда не приходит в изучении ее; с ней нужно столкнуться лицом к лицу, истине нужно посмотреть в глаза. Человек, собирающий сведения о любви, подобен человеку, который собирает сведения о Гималаях, глядя на карту. Карта это не гора! И если ты начнешь верить в карту, то навсегда лишишься горы. Если ты станешь слишком одержимым картой, гора всегда будет перед тобой, но ты не сможешь ее увидеть.

Именно так и происходит. Гора перед тобой, но твои глаза заняты картами – картами гор, картами одной и той же горы, созданными другими исследователями. Кто-то взобрался на нее с северной стороны, кто-то – с восточной. Они создали разные карты: Коран, Библию, Гиту – разные карты одной и той же истины. Но ты слишком переполнен этими картами, слишком обременен их весом; ты не можешь сдвинуться ни на шаг. Ты не можешь увидеть гору, которая прямо перед тобой, – с ее девственной вершиной, золотом сверкающей на утреннем солнце. У тебя нет глаз, чтобы ее увидеть.

Предубежденный глаз слеп, полное заключений сердце мертво. Слишком много предварительных заключений, – и твой разум начинает терять остроту, красоту, интенсивность. Он тупеет.

Отупевший разум и есть то, что известно как интеллект. Ваша так называемая интеллигенция – всего лишь интеллектуалы. Интеллект это труп. Ты можешь его украсить, ты можешь надеть на него великие жемчужины, бриллианты, изумруды, но труп останется трупом.

Быть живым – совершенно другое дело.

Наука предполагает определенность, абсолютную определенность в отношении фактов. А будучи абсолютно определенным в отношении фактов, ты не можешь почувствовать таинственного – чем более ты определен, тем более испаряется тайна. Для тайны нужно немного расплывчатости; для тайны требуется нечто неопределенное, неочерченное. Наука фактична; тайна не фактична, но экзистенциальна.

Факт является частью существования, и очень небольшой частью; наука занимается частями, потому что частями заниматься легче. Они меньше, их можно проанализировать; они не ошеломляют тебя, ты можешь держать их в руках. Их можно расчленить, пометить ярлыками; ты можешь быть абсолютно уверен в их качествах, количествах и возможностях – но в самом этом процессе погибает тайна. Наука это убийство тайны.

Если хочешь пережить таинственное, тебе придется войти в другую дверь, из совершенно другого измерения. Измерение ума есть измерение науки, измерение медитации есть измерение чудесного, таинственного.

Медитация делает все неопределенным. Медитация приводит тебя в неизвестное, необозначенное на картах. Медитация мало-помалу приводит тебя к некому растворению, когда наблюдатель и наблюдаемое становятся единым. Это невозможно в науке. Наблюдатель должен быть наблюдателем, наблюдаемое должно быть наблюдаемым, и это четкое разграничение необходимо постоянно поддерживать. Ни на мгновение ты не должен забывать себя; ни на мгновение ты не должен становиться заинтересованным, растворенным, ошеломленным, страстным, любящим в отношении объекта своего наблюдения. Ты должен быть отрешенным, ты должен быть очень холодным – холодным, абсолютно равнодушным. А равнодушие убивает

тайну.

Если ты действительно хочешь пережить таинственное, тебе придется открыть в своем существе новые двери. Я не говорю, что ты должен перестать быть ученым, я просто говорю, что наука может остаться твоей периферийной деятельностью. Находясь в лаборатории, будь ученым, но выйдя из лаборатории, забудь все о науке. Тогда слушай птиц – и не с научной точки зрения! Смотри на цветы – и не с научной точки зрения, потому что, смотря на розу глазами ученого, ты видишь совершенно другие вещи. Это не та же самая роза, которую переживает поэт.

Переживание не зависит от объекта, переживание зависит от переживающего, от качества переживания.

Глядя на цветок, стань цветком; танцуй вокруг цветка, пой песню. Дует прохладный и свежий ветерок, греет солнце, и цветок распустился во всей красе. Цветок танцует на ветру, наслаждается, поет песню: «Аллилуйя!» Соучаствуй в нем! Отбрось равнодушие, объективность, отрешенность. Отбрось все свои научные мировоззрения. Стань немного более текучим, немного более растай, слейся. Позволь цветку поговорить со своим сердцем, позволь цветку войти в свое существо. Пригласи его в гости! И тогда ты испытаешь некоторый вкус тайны.

Это первый шаг к таинственному, а вот последний шаг: если ты можешь стать соучастником на мгновение, ты нашел ключ, узнал секрет. Теперь соучаствуй во всем, что делаешь. Когда идешь, не иди механически, не продолжай это наблюдать – будь этим. Когда танцуешь, не делай этого технически; техника не имеет отношения к делу. Ты можешь танцевать технически правильно, но упускать всю радость танца. Раствори себя в танце, стань танцем, забудь о танцующем.

Когда такое глубокое единство начинает случаться во многих, многих фазах твоей жизни, когда ты начинаешь переживать этот великий опыт исчезновения, без-эго-вости, «ничто»... когда цветок есть, а тебя нет, когда радуга есть, а тебя нет... когда облака плывут по небу – и внутри тебя, и снаружи, а тебя нет... когда царит полное молчание, насколько это касается тебя – когда внутри тебя никого нет, просто чистое молчание, девственное молчание, незамутненное, не тревожимое ни логикой, ни мыслью, ни эмоцией, ни чувством – вот мгновение медитации. Ум ушел, а когда ум уходит, входит тайна.

Путь доверия

Доверие есть вершина разума. Почему люди не доверяют? – потому что они не доверяют своему разуму. Они боятся, боятся, что их обманут. Они боятся; вот почему они сомневаются. Сомнение исходит из страха. Сомнение это своего рода неуверенность в нашем собственном разуме. Ты не настолько уверен, чтобы доверять, чтобы идти в доверие. Для доверия требуется разум, храбрость, цельность. Чтобы идти в доверие, нужно великое сердце. Если у тебя недостаточно разума, ты защищаешь себя сомнением.

Если у тебя есть разум, ты готов идти в неизвестное, потому что знаешь, что даже если весь известный мир исчезнет, и ты останешься в неизвестном, то сможешь там обосноваться. Ты сможешь найти дом там, в неизвестном. Ты доверяешь своему разуму. Сомнение всегда на страже своих границ; разум же всегда остается открытым, потому что разум знает: «Что бы ни случилось, я смогу принять вызов, я смогу адекватно ответить». Посредственный ум не имеет такого доверия к себе. Знание посредственно.

Быть в состоянии не-знания есть разум, осознанность – и ничто не скапливается. В каждое мгновение случившееся исчезает, не оставляя за собой никакого следа, никакого экзистенциального следа. Человек выходит из случившегося снова чистым, снова невинным, снова подобным ребенку.

Не пытайся понять жизнь. Живи ее! Не пытайся понять любовь. Двигайся в любовь. Тогда ты узнаешь – и это знание придет из опыта. Это знание никогда не разрушит тайны: чем больше ты узнаешь, тем более знаешь, сколь многое остается непознанным.

Жизнь это не проблема. Смотреть на нее как на проблему, значит предпринять ошибочный шаг. Это тайна, которую можно лишь проживать, любить, испытывать.

Фактически, ум, который всегда гонится за объяснениями, это испуганный ум. Из-за этого великого страха он хочет все объяснить. Он не может пойти во что-то, прежде чем все не будет ясно. Получив объяснение, он чувствует, что теперь территория знакома; теперь он знает географию, теперь он может вооружиться картой, путеводителем и расписанием. Он никогда не готов двигаться в незнакомую территорию, неописанную, без карты, без путеводителя. Но такова жизнь, не может быть никакой карты, потому что жизнь постоянно меняется. Каждое мгновение это сейчас. Нет ничего старого под солнцем, я говорю тебе, – все ново. Это безмерный динамизм, абсолютное движение. Лишь перемены постоянны, лишь перемены никогда не меняются.

Все остальное постоянно меняется, поэтому ты не можешь создать карты; к тому времени, как карта готова, она уже устарела. К тому времени, как карта в твоём распоряжении, она уже бесполезна; жизнь изменила свои тропы. Жизнь стала играть в новую игру. Ты не можешь справиться с жизнью, руководствуясь картой, ты не можешь навести справки о жизни в путеводителе, потому что путеводители возможны, лишь если все замерло. Жизнь не замирает, это динамизм, процесс. Ты не можешь составить ее карту. Она неизмерима, это неизмеримая тайна. Не проси объяснений.

И это я называю зрелостью ума: когда кто-то приходит к тому, чтобы смотреть на жизнь без вопросов, и просто ныряет в нее, с храбростью и бесстрашием.

Весь мир полон ложно религиозных людей – церкви, храмы, гурудвары, мечети полны религиозных людей. Разве вы не видите, что мир абсолютно нерелигиозен? Столько религиозных людей, а мир абсолютно нерелигиозен – как происходит это чудо? Каждый религиозен, а все в целом – нет. Эта религия ложна. Люди «тренируются» в доверии. Доверие

стало для них верованием, не опытом. Их научили верить, их научили знать – вот где человечество промахнулось.

Никогда не верь. Если не можешь доверять, сомневайся, потому что в сомнении заложена возможность того, что однажды возникнет доверие. Ты не можешь вечно жить в сомнении. Сомнение это болезнь; это недуг. В сомнении ты никогда не почувствуешь себя состоявшимся; в сомнении ты всегда дрожишь, в сомнении ты всегда остаешься в тоске, разделенный и нерешительный. В сомнении ты в постоянном кошмарном сне. Поэтому, в тот или другой день, ты начнешь искать, как выйти за его пределы. Поэтому я говорю, что лучше быть атеистом, чем теистом, ложным теистом.

Тебя научили верить – с самого детства, ум каждого был обусловлен верить: верь в Бога, верь в душу, верь в это, верь в то. Теперь это верование вошло тебе в плоть и кровь, но оно по-прежнему остается верованием – ты не узнал. А пока ты не узнаешь, ты не можешь быть освобожден. Знание освобождает, только знание освобождает. Все верования заимствованы; их тебе дали; они не расцвели в тебе как цветы. Как заимствованная вещь может вести к реальному, к абсолютно реальному? Отбрось все то, что взял у других. Лучше быть нищим, чем богатым – богатым не заработанным, но украденным; богатым заимствованным, богатым традицией, богатым наследством. Нет, лучше быть нищим, но быть при своем. В этой бедности есть богатство, потому что она правдива, а твое богатство верований очень убого. Эти верования никогда не могут быть очень глубокими; они не идут дальше, самое большее, глубины кожи. Стоит ее лишь немного оцарапать, и на поверхность выйдет недоверие.

Ты веришь в Бога; твой бизнес идет плохо, и внезапно возникает недоверие. Ты говоришь: «Я не верю, я не могу верить в Бога». Ты веришь в Бога, и умирает твой любимый, и всплывает недоверие. Ты веришь в Бога, и только из-за смерти любимого эта вера разрушена? Она немногого стоит. Доверие никогда не может быть разрушено – если оно есть, ничто не может его разрушить. Ничто, абсолютно ничто не может его разрушить.

Поэтому помни, есть огромная разница между доверием и верованием. Доверие лично; верование общественно. До доверия ты должен дорасти; в веровании ты можешь оставаться, кем бы ты ни был, верование может быть навязано любому. Отбрось верования. Будет страшно – потому что, если ты отбрасываешь верования, возникает сомнение. Каждое верование это изгнание сомнения, подавление сомнения. Не беспокойся об этом; пусть придет сомнение. Каждый должен пройти через темную ночь, прежде чем достичь рассвета. Каждый должен пройти через сомнение. Долго путешествие, темна ночь. Но когда после долгого путешествия и темной ночи брезжит утро, ты знаешь, что игра стоила свеч. Доверие не может быть «внушенным» – никогда не пытайся его себе внушить; это делало все человечество. Насажденное извне доверие становится верованием. Найди доверие в себе, не бери его снаружи. Иди глубже в свое существо, к самому источнику своего существа, и обнаружь его.

Для исследования понадобится доверие, потому что ты отправляешься в неизвестное. Для этого потребуется огромное доверие и храбрость, потому что ты уходишь от традиционного и устоявшегося; ты уходишь от толпы. Ты выходишь в открытое море и не знаешь, существует ли другой берег.

Я не могу отправить тебя в такое исследование, не вооружив доверием. Это выглядит противоречиво, но что я могу сделать? – такова жизнь. Только человек великого доверия способен к великому сомнению, к великому поиску.

Человек небольшого доверия способен лишь к небольшому сомнению. Человек, лишенный доверия, может только притворяться, что сомневается. Он не может исследовать глубоко. Глубина приходит в доверии – это риск.

Прежде чем отправить тебя в необозначенное на картах море, я должен подготовить тебя к

этому великому путешествию, в которое тебе предстоит отправиться одному – но я могу подвести тебя к лодке. Сначала ты должен узнать красоту доверия, экстаз пути сердца – чтобы, когда ты отплывешь в открытый океан реальности, тебе хватило храбрости продолжать путь. Что бы ни случилось, ты должен достаточно доверять себе.

Просто пойми: как ты можешь доверять кому-то или чему-то другому, если не доверяешь себе? Это невозможно. Если ты сомневаешься в себе, как ты можешь доверять? Именно тебе предстоит доверять, а ты не доверяешь даже себе – как ты можешь доверять своему доверию? Абсолютно необходимо, чтобы сердце было открыто, прежде чем интеллект трансформируется в разум. В этом разница между интеллектом и разумом.

Разум это интеллект, сонастроенный с твоим сердцем.

Сердце умеет доверять.

Интеллект умеет искать и исследовать.

Есть старая восточная история:

Двое нищих жили на краю деревни. Один был слепой, у другого не было ног. Однажды в роще, где они жили, случился пожар. Они, конечно, соперничали – конкуренты в одной и той же профессии, просящие милостыню у одних и тех же людей, – и постоянно злились друг на друга. Они были врагами, не друзьями.

Люди одной профессии не могут быть друзьями. Это трудно, потому что возникает соревнование, клиенты – ты всегда уводишь чужого клиента. Нищие помечают своих клиентов: «Запомни, этот мой; не беспокой его». Ты не знаешь, какому нищему принадлежишь, какой нищий тебя застолбил, но какой-то нищий на улице знает. Может быть, он сражался, выиграл битву, и теперь ты в его владении...

Я часто видел возле университета одного нищего; однажды я встретил его на рынке. Он постоянно вертелся возле университета, потому что молодые люди более щедры; с возрастом люди становятся прижимистее, потому что боятся. Смерть подходит ближе, и теперь помочь могут только деньги. К тому же, если у них есть деньги, им могут помогать другие; если у них нет денег, даже их собственные сыновья и дочери не будут о них беспокоиться. Но молодые люди могут быть мотами. Они молоды; они могут заработать еще; у них впереди жизнь, долгая жизнь.

Благодаря университетским студентам он был богатым нищим... В Индии студент попадает в университет, только если происходит из богатой семьи; иначе ему приходится бороться. Некоторым бедным людям это удается, но болезненно и с большим трудом. Я тоже происходил из бедной семьи. Целыми ночами я работал, редактировал газету, а днем ходил в университет. Годами мне приходилось спать не дольше трех или четырех часов – когда только выдавалось время, днем или ночью.

Этот нищий был очень сильный. Никакой другой нищий не мог ступить на университетскую улицу, всякий доступ был закрыт. Все знали, кому принадлежит университет – этому нищему! Однажды на его месте я увидел молодого человека; старика больше не было. Я сказал:

- Что случилось? Где старик?

- Это мой тесть. Он подарил мне университет.

Университет и не подозревал, что у него переменялся владелец, что теперь он принадлежит кому-то другому. Молодой человек сказал:

- Я женился на его дочери.

В Индии приданое дается, когда кто-то женится на чьей-то дочери. Ты не просто женишься на дочери: тесть должен тебе дать – если он очень богат – машину или дом. Если он не очень богат, он дает хотя бы мотороллер; если даже не мотороллер, то велосипед, но что-то он должен дать – радиоприемник, телевизор – и немного денег. Если он действительно богат, он даст тебе возможность поехать за границу учиться, стать образованным человеком, врачом, инженером – и оплатит это.

Когда вышла замуж дочь этого нищего, ее муж получил в приданое целый университет.

Он сказал:

- С этого дня университет и прилегающая улица принадлежат мне. Тесть показал мне моих клиентов.

Я встретил этого старика на рынке и сказал ему:

- Ты хорошо сделал, отдав университет в приданое.

- Да, – сказал он. – У меня была только одна дочь, и я хотел что-то сделать для своего зятя.

Я дал ему лучшее место, чтобы просить милостыню. Теперь я снова здесь, пытаюсь восстановить свою монополию на этом рынке. Мне приходится трудно, потому что здесь нищих много, старших, уже застолбивших клиентов. Но все будет в порядке. Я справлюсь; некоторых я отсюда выгоню.

И он, без сомнений, так и сделал.

И вот, когда лес загорелся, двое нищих на мгновение задумались. Безногий не мог выбраться из лесу, пересечь лес было невозможно – а пожар охватил весь лес. Он мог кое-как передвигаться, но это не могло его спасти. Нужен был выход, и очень скоро. Слепой тоже убедился, что не сможет выбраться. Он не знал, с какой стороны огонь, с какой стороны дорога, где горят деревья, а где не горят. Слепой... он бы заблудился. Но оба они были разумными людьми; они отбросили свою вражду, стали друзьями и спаслись.

Это восточная притча. Она об интеллекте и сердце. Она не имеет ничего общего с нищими, она о тебе. Она не имеет никакого отношения к лесному пожару, она относится к тебе – потому что ты горишь. Каждое мгновение ты горишь, страдаешь, в отчаянии, в тоске. Сам по себе твой интеллект слеп. У него есть ноги, он умеет быстро бегать, перемещаться, но, слепой, не может выбрать правильное направление. И он обречен постоянно спотыкаться, падать, причинять самому себе боль и чувствовать, что жизнь бессмысленна. Именно это говорят интеллектуалы всего мира: «Жизнь бессмысленна».

Причина, по которой жизнь кажется им бессмысленной, в том, что слепой интеллект пытается увидеть свет. Это невозможно.

Внутри у тебя есть сердце, которое видит, которое чувствует, но у которого нет ног; оно не умеет бегать. Оно остается там, где и было, оно бьется, ждет... однажды интеллект поймет и сможет использовать глаза сердца.

Когда я употребляю слово «доверие», я подразумеваю глаза твоего сердца.

Когда я употребляю слово «сомнение», я подразумеваю ноги твоего интеллекта.

Вместе они выберутся из огня; нет никаких проблем. Но помни, интеллект должен посадить сердце себе на плечи и понести. Должен. У сердца нет ног, лишь только глаза, и интеллект должен прислушиваться к сердцу и следовать его указаниям.

В руках сердца интеллект становится разумным. Это трансформация, тотальная трансформация энергии. Тогда человек становится не интеллектуалом, он просто становится мудрым.

Мудрость рождается из встречи сердца и интеллекта. И если ты научился этому искусству

синхронизации биения сердца и работы интеллекта, - в твоих руках весь секрет, главный ключ, который отперет и раскроет все тайны.

Путь невинности

На самом деле суть не в храбрости, суть в том, чтобы знать, что известное мертво, неизвестное живо. Цепляться за известное, значит цепляться за труп. Не нужно храбрости, чтобы перестать цепляться; фактически, храбрость нужна, чтобы продолжать цепляться за труп. Ты просто должен увидеть... То, что тебе знакомо, что ты уже прожил – что оно дало? Чего ты достиг? По-прежнему ли ты пуст? Нет ли ощущения огромной неудовлетворенности, глубокого разочарования, бессмысленности? Кое-как ты продолжаешь справляться, скрывать истину и создавать ложь, чтобы оставаться увлеченным, занятым.

Вот в чем вопрос: увидеть ясно, что все, что ты знаешь, принадлежит прошлому, что это уже прошло. Это часть кладбища. Хочешь ли ты быть в могиле, хочешь ли быть живым? И это вопрос не только на сегодня; этот вопрос будет завтра, послезавтра. Этот вопрос останется с тобой до самого последнего вдоха.

Все, что ты знаешь и накапливаешь – информация, знание, опыт – в то мгновение, когда ты что-то исследовал, покончи с этим. Теперь носить этот мертвый груз пустых слов, значит раздавить свою жизнь, обременить свою жизнь, помешать самому себе войти в живое, радостное бытие – которое ждет тебя каждое мгновение.

Человек понимания, в каждое мгновение умирает для прошлого и рождается для будущего. Его настоящее – это всегда трансформация, рождение заново, воскресение. Дело совершенно не в храбрости, – вот первое, что нужно понять. Дело в ясности. Суть в ясности, в том, чтобы ясно видеть, что есть что.

И во-вторых, когда дело действительно в храбрости, никто не может тебе ее дать. Это не то, что можно подарить. Это то, с чем ты родился – но чему ты просто не позволил вырасти и утвердить себя.

Невинность заключается одновременно и в ясности, и в храбрости.

Не нужно храбрости, если ты невинен. Не нужно и никакой ясности, потому что ничто не может быть более ясным, кристально ясным, чем невинность. Поэтому все дело в том, как защитить свою невинность.

Невинность это не то, чего можно достичь. Это не то, чему можно научиться. Это не нечто подобное таланту – живописи, музыке, поэзии, скульптуре. Она не похожа на все эти вещи. Она скорее подобна дыханию, чему-то такому, с чем ты рождаешься.

Как человек может не родиться невинным? Никто никогда не рождается, иначе как невинным.

Как человек может родиться, иначе как невинным? Рождение означает, что ты вошел в мир как *tabula rasa* [2], на тебе ничего не написано. У тебя есть только будущее, прошлого нет. В этом смысл невинности. Поэтому сначала попытайся понять весь смысл невинности.

Первое: нет прошлого, есть только будущее.

Прошлое развращает, потому что дает воспоминания, переживания, ожидания. Все это вместе делает тебя хитрым, но не ясным. Все это делает тебя коварным, но не разумным. Все это может помочь тебе преуспеть в мире, но в своем глубочайшем существе ты останешься неудачником. И весь успех мира ничего не значит в сравнении с поражением, с которым ты столкнешься, потому что, в конце концов, с тобой останется лишь глубочайшее существо. Все будет потеряно – твоя слава, твоя власть, твое имя, всё начнёт исчезать как тени.

В конце концов, с тобой останется лишь то, что ты принес с самого начала. Ты можешь взять из этого мира лишь то, что в него принес.

В Индии всем известно, что мир подобен залу ожидания на вокзале; это не твой дом. Ты не собираешься всегда оставаться в зале ожидания. Ничто в зале ожидания тебе не принадлежит – ни мебель, ни картины на стенах... Ты используешь их – ты видишь картины, сидишь в кресле, отдыхаешь на кровати – но ничто тебе не принадлежит. Ты здесь лишь на несколько минут, самое большее, на несколько часов, прежде чем продолжить свой путь.

Да, то, что ты принес с собой в зал ожидания, ты заберешь; это твое. Что ты принес в мир? Мир, несомненно, это зал ожидания. Ожидание может длиться секунды, минуты, часы, дни, даже годы; но имеет ли значение, ждешь ты семь часов или семьдесят лет?

За семьдесят лет ты можешь забыть, что находишься в зале ожидания. Ты можешь начать думать, что ты хозяин дома, что ты его построил. Ты можешь повесить на зал ожидания табличку со своим именем.

Есть люди – я видел это, я так много путешествовал, – люди пишут свои имена в вокзальных уборных. Люди выцарапывают свои имена на мебели в зале ожидания. Это кажется глупым, но то же самое делают люди в мире.

В джайнских писаниях есть очень значительная история. В Индии верят, что если кому-то удастся стать императором всего мира, его называют чакравартином. Слово «чакравартин» просто значит... чакра значит «колесо». В древней Индии это было способом избежать ненужной борьбы и насилия: колесница, золотая колесница, очень ценная, запряженная сильными и красивыми лошадьми, приезжала из одного королевства в другое. Если другое королевство не сопротивлялось и впускало колесницу, это значило, что королевство приняло ее владельца как победителя. Не было необходимости сражаться.

Таким образом, колесница двигалась, и везде, где люди ее останавливали, происходила война. Если колесницу нигде не останавливали, главенство ее короля было доказано без всякой войны: он становился чакравартином – тем, чье колесо объехало мир, и никто не смог его остановить. Это было желанием всех королей: стать чакравартином.

Несомненно, для этого нужно было больше власти, чем добился даже Александр Великий. Просто послать свою колесницу... за ней должна стоять огромная сила. Нужна абсолютная уверенность, что если колесница будет остановлена, за этим последует массовое насилие. Это значит, что человека уже признали сильнейшим, и если он хочет кого-то победить, помешать ему невозможно.

Но это очень символический способ, очень цивилизованный. Не нужно нападать, не нужно никого убивать; достаточно просто символического послания. Колесница отправляется в путь с флагом своего короля, и другой король чувствует, что нет смысла сопротивляться – борьба просто значила бы поражение и ненужное насилие, разрушение, – и приветствует колесницу, и в его столице ее осыпают цветами.

Это кажется гораздо более цивилизованным, чем то, что собираются сделать такие страны как Америка и Советский Союз. Просто пошли золотую колесницу – но это значит, что ты должен быть абсолютно уверен в своей силе; и не только ты, но и все остальные. Лишь тогда этот символ может помочь. Так, каждый король желал однажды стать чакравартином.

История говорит, что один человек стал чакравартином – а это случается лишь раз во многие тысячи лет. Даже Александр Великий не стал завоевателем мира; многое осталось незавоеванным. И он умер очень молодым, ему было только тридцать три года: ему не хватило времени завоевать мир. Что говорить о завоевании, весь мир не был еще известен! Половина мира была неизвестна, и даже известная половина не была завоевана. Этот человек, о котором я собираюсь рассказать, стал чакравартином.

История говорит, что когда чакравартин умирает – потому что чакравартин случается раз в

тысячи лет, это редкое существо, – когда он умирает, его принимают в раю с великой радостью и отводят ему специальное место.

В джайнской мифологии в раю есть горы, соответствующие Гималаям. Гималаи состоят просто из камней, земли и льда. Параллельные Гималаи в раю называются горой Сумеру. Сумеру означает «предельная гора»: ничто не может быть выше ее, ничто не может быть лучше ее. Она из чистого золота; вместо камней ее составляют бриллианты, рубины и изумруды.

Когда чакравартин умирает, его ведут к горе Сумеру, чтобы начертать на ней его имя. Это редкая возможность; это случается лишь раз в тысячи лет. Конечно, этот человек был очень взволнован, потому что вскоре ему предстояло написать свое имя на горе Сумеру – внести его в этот предельный перечень всех великих, которые только когда-либо жили и будут жить. Этому императору предстояло присоединиться к сверхчеловеческой родословной.

Получив от привратника инструменты для гравировки имени, он захотел взять с собой еще несколько человек, которые покончили с собой только потому, что умирал их император – они не могли представить себе жизнь без него. Его жена, его первый министр, его военачальник – все окружавшие его великие люди покончили с собой, чтобы его сопровождать.

Император захотел, чтобы привратник позволил им всем войти и увидеть, как он гравировал свое имя, – потому что какая радость, если ты один, и никто тебя даже не увидит? – потому что настоящая радость в том, что это должен увидеть весь мир.

Привратник сказал:

- Послушай моего совета, потому что эту профессию я унаследовал от предков. Мой отец был привратником, отец моего отца был привратником; веками мы были привратниками горы Сумеру. Послушайся моего совета: не бери их с собой, иначе ты расквасишься.

Император не мог понять, но все же не мог пойти против совета – потому что какой интерес этому человеку ему мешать? Привратник сказал:

- Если ты все-таки хочешь, чтобы они видели, сначала походи один и начертай свое имя; затем вернись и позови их, если захочешь. Я не возражаю, даже если ты возьмешь их с собой сейчас, но если ты так решишь, шанса передумать не будет... они будут с тобой. Иди один.

Это было вполне здравым советом.

- Ладно, – сказал император. – Я пойду один, начертаю свое имя, вернусь и позову вас.

- Я совершенно согласен, – сказал привратник.

Император пошел и увидел Сумеру, сияющую в тысяче солнц – потому что рай не может быть таким бедным, чтобы иметь только одно солнце – тысячи солнц, золотая гора выше Гималаев – а Гималаи простираются более чем на двести миль! На мгновение он не мог открыть глаз, так она сверкала. Затем он стал искать место, правильное место, но был очень озадачен: места не было; вся гора была исписана именами.

Он не мог поверить своим глазам. Впервые он осознал, кто он такой. До сих пор он считал себя сверхчеловеком, который случается лишь раз в тысячи лет. Но время существовало вечно; даже тысячи лет не имеют значения, столько чакравартинов уже случилось. На самой большой горе во вселенной не нашлось места, где он мог бы написать свое маленькое имя.

Он вернулся, и теперь он понял, что привратник был прав, когда советовал ему не брать с собой жену и приближенных. Хорошо, что они не увидели эту ситуацию. Они могли по-прежнему считать его редким существом.

Он отвел привратника в сторону и сказал:

- Но там же нет места!

- Именно это я тебе и говорил, – сказал привратник. – Ты должен стереть несколько имен и написать свое поверх. Именно так все и делают; всю жизнь я на это смотрю, и мой отец говорил,

что это было и при нем. Отец моего отца... – никто из моих предков не видел Сумеру пустой, на ней никогда не было места.

Когда приходил чакравартин, ему приходилось стирать несколько имен и писать свое поверх. Это не вся история чакравартинов. Много раз ее стирали и писали вновь. Просто сделай свою работу, и тогда, если хочешь показать ее своим друзьям, можешь пригласить их войти.

Император сказал:

- Нет, я не хочу, чтобы они видели, и не хочу даже писать свое имя. Какой смысл? – кто-то придет и сотрет его.

Вся моя жизнь стала абсолютно бессмысленной. Это было моей единственной надеждой: Сумеру, священная гора в раю будет носить мое имя. Для этого я жил, для этого я поставил на карту всю жизнь, для этого я был готов убить весь мир. И любой человек может стереть мое имя и написать поверх свое? Какой смысл его писать? Я не буду его писать.

Привратник рассмеялся.

- Почему ты смеешься? – спросил император.

- Это странно, потому что и это я слышал от дедов и прадедов – чакравартины приходят, видят всю историю и просто разворачиваются и уходят; они не пишут своих имен. Ты не оригинален: любой, в ком есть хоть немного разума, сделал бы то же самое.

Чего ты можешь достичь в мире? Что ты можешь взять с собой? Свое имя, престиж, респектабельность? Деньги, власть – что? Ученость? Ничего. Все придется отбросить здесь. И в это мгновение ты поймешь, что все, чем ты владел, не было твоим; сама идея владения была неправильной. И именно этим владением ты был возвращен.

Чтобы увеличить это владение – получить больше денег, больше власти, завоевать больше стран, – ты делал вещи, которые даже ты сам не можешь назвать правильными. Ты лгал, ты был нечестен. Ты имел тысячу лиц. Ты не был правдив ни на мгновение, ни с кем-то другим, ни с самим собой; это было невозможно. Тебе приходилось быть фальшивым, ложным, притворяться, потому что эти вещи помогают преуспеть в мире. Подлинность не поможет. Честность не поможет. Правдивость не поможет.

Без собственности, успеха, славы, кто ты такой? Ты не знаешь. Ты – твое имя, твоя слава, твой престиж, твоя власть. Но помимо всего этого, кто ты? Вся эта собственность становится твоим отождествлением. Она дает тебе ложное чувство существования. Это эго. Эго – не нечто таинственное, это простое явление. Ты не знаешь, кто ты, а жить, не зная, кто ты, невозможно. Если я не знаю, кто я, что я здесь делаю? Все, что я делаю, становится бессмысленным. Первое и самое главное – это знать, кто я такой. Может быть, тогда я могу сделать что-то, что удовлетворит мою природу, сделает меня состоявшимся, приведет меня домой.

Но если я не знаю, кто я такой, и продолжаю что-то делать, как мне удастся достичь того, к чему была предназначена моя природа, куда меня должна была привести моя природа? Я бегаю туда-сюда, но никогда не достигну точки, где смогу сказать: «Теперь я прибыл, вот место, которое я искал».

Ты не знаешь, кто ты, поэтому в виде замены нужно ложное отождествление. Твои владения дают тебе этот ложный заменитель.

Ты пришел в мир невинным наблюдателем. Каждый приходит таким образом, с одним и тем же качеством сознания. Но ты начинаешь идти на сделки со взрослым миром. Они могут дать тебе многое; у тебя есть лишь одно, и это твоя целостность, твое самоуважение. У тебя мало что есть, только одно – можешь назвать это как угодно: невинность, разум, подлинность. У тебя есть только одно.

И ребенку, естественно, очень интересно все, что он видит вокруг. Ему постоянно хочется

то одного, то другого; это часть человеческой природы. Если ты посмотришь на маленького ребенка, новорожденного ребенка, то увидишь, что он начал что-то нащупывать; его руки пытаются что-то найти. Он начал путешествие.

В этом путешествии он потеряет себя, потому что в этом мире ты ничего не можешь получить, не заплатив за это. И бедный ребенок не может понять, что отдаваемое им так ценно, что если положить весь мир на одну чашу весов, а его целостность на другую, его целостность будет иметь больший вес, большую ценность. У ребенка нет никакого способа это узнать. В этом проблема, потому что, то, что у него есть, просто есть. Он принимает это как должное.

Позвольте мне рассказать вам историю, которая это прояснит.

Один богатый человек, очень богатый, в конце концов очень разочаровался – это естественный результат любого успеха. Ничто так не тщетно, как успех. Успех важен, только если ты неудачник. Однажды добившись успеха, ты узнаешь, что был обманут миром, людьми, обществом. У этого человека было все возможное богатство, но не было покоя ума. Он стал искать покоя ума.

Именно это происходит в Америке. В Америке больше людей ищет покоя ума, чем в какой-либо другой стране. В Индии я никогда не встречал человека, который искал бы покоя ума. Сначала нужно позаботиться о покое желудка – покой ума слишком далеко. Ум отстоит от желудка на миллионы миль.

Но в Америке каждый ищет покоя ума, и, конечно, когда ты его ищешь, найдутся люди, которые тебе его предложат. Это простой закон экономики: там, где есть спрос, возникнут и предложения. Неважно, действительно ли тебе нужно то, чего ты просишь. Никто не беспокоится и о том, что даст тебе его предложение – ложная ли это реклама, пропаганда, или в этом есть нечто существенное.

Зная этот простой принцип – спрос рождает предложение, – коварные и хитрые люди сделали шаг вперед. Теперь они говорят:

- Не нужно ждать, пока появится спрос, создай спрос сам. И в этом все искусство рекламы: создать спрос. Прежде чем ты прочитал рекламу, у тебя не было никакого спроса, ты никогда не чувствовал, что это твоя потребность. Но, прочитав рекламу, внезапно ты чувствуешь: «Боже мой, мне этого не доставало. Какой же я дурак, что никогда не подозревал, что такая вещь существует».

Прежде чем начать что-то производить, выпускать, за несколько лет до этого – за три, четыре года – производитель начинает рекламную кампанию. Продукта еще нет на рынке, потому что сначала спрос должен достичь умов людей. А как только есть спрос – к тому времени продукт будет готов.

Бернард Шоу говорит, что когда он был новичком и выпустил первую книгу, конечно, на нее не было спроса – никто даже не слышал о Бернарде Шоу. Как ты можешь сказать: «Я хочу книгу Бернарда Шоу, его драму»? Поэтому целый день он занимался тем, что... Он опубликовал книгу – он сам был ее издателем, он собрал деньги – и стал ходить из одного книжного магазина в другой, спрашивая:

- У вас есть книга Джорджа Бернарда Шоу?

- Джорджа Бернарда Шоу? Мы никогда не слышали этого имени, – говорили ему.

- Странно: такой великий человек, и вы никогда не слышали о нем, а еще содержите книжный магазин! Вы что, отстали от жизни? Первое, что вы должны были бы сделать, это заказать книгу Джорджа Бернарда Шоу.

Он опубликовал только одну книгу, но стал рекламировать несколько книг, потому что, если уж этим заниматься, то только оптом. Одна книга не делает человека великим писателем.

Он приходил в разных нарядах – иногда в шляпе, иногда в очках. Люди стали приходить к Джорджу Бернарду Шоу домой. И ему пришлось делать все самому – рекламу, поставку; именно так он продал свою первую книгу. Он спрашивал людей на улице:

- Вы не слышали... потому что я столько слышу об определенной книге, написанной каким-то Бернардом Шоу. Люда говорят, это великая, потрясающая книга. Вы не слышали?

- Нет, мы никогда не слышали этого имени, – говорили ему.

- Странно, – говорил он, – а я считал Лондон культурным городом.

И он ходил в библиотеки, клубы, в каждое возможное место, где была возможность создать спрос, и он его создал. Он продал книгу, и, в конце концов – он делал это постоянно, – в конце концов, он стал одним из величайших писателей своего века. Он создал спрос.

Но если ты добиваешься успеха, никому не нужно создавать спрос на покой ума. Добиваясь успеха, в пути ты теряешь покой ума. Это естественный порядок вещей. Успех отнимает у твоего ума весь покой. Он просто высасывает все, что было значительного в жизни: покой, молчание, радость, любовь. Он продолжает отнимать у тебя все. В конце концов, твои руки полны мусора, а все, что было ценного, потеряно. И внезапно ты осознаешь, что необходим покой ума.

Немедленно появляются поставщики, которые ничего не знают об уме, которые ничего не знают о покое. Я читал книгу, которая называется «Покой ума», написанную еврейским раввином Джошуа Либманом. Я прочитал всю книгу; этот человек ничего не знает ни о покое, ни об уме. Это бизнесмен. Он проделал хорошую работу, ничего не зная ни об уме, ни о покое.

Его книга стала одним из мировых бестселлеров, потому что каждый, кто хочет покоя ума, рано или поздно обязательно найдет книгу Джошуа Либмана. И он написал ее очень красиво. Он хороший писатель, очень выразительный, впечатляющий; книга на тебя повлияет. Но покой ума останется так же далеко, что и раньше, или, может быть, даже дальше после прочтения этой книги.

Фактически, если человек знает, что такое покой и что такое ум, он не может назвать книгу «Покоем ума», потому что ум является причиной всего беспокойства, всего отсутствия покоя. Покой есть, когда ума нет. Поэтому никакого товара, подобного «покою ума», не существует.

Если есть ум, покоя нет. Если есть покой, нет ума. Но если написать книгу «Покой не-ума»... никто ее не купит. Я думал об этом... но я решил, что никто не купит «Покой не-ума». Для людей это будет бессмыслицей, – но именно в этом состоит истина.

Ребенок не осознает, что он принес с собой.

Этот богатый человек был в таком же положении. У него были все богатства мира, и теперь он искал покоя ума. Он ходил от одного мудреца к другому, и все они давали ему великие советы, но советы никогда никому не помогают.

Фактически, только дураки дают советы, и только дураки их принимают. Мудрые люди очень неохотно дают советы, потому что мудрый человек знает, что единственное, что в мире дается бесплатно, это совет, и единственное, что никто не берет, это совет. Зачем напрасно беспокоиться?

Мудрый человек сначала готовит тебя к тому, чтобы принять совет. Он не просто дает совет; ты должен быть к нему готов. Годы могут потребоваться, чтобы подготовить почву, и лишь тогда можно посеять семена. Только дурак будет разбрасывать семена на камни и скалы, не беспокоясь о том, что растрчивает их впустую.

Все эти мудрецы давали ему советы, но ничто не помогало. В конце концов, человек, которого он ни о чем не спрашивал, и который ни в каком смысле не был известным человеком – напротив, он считался деревенским идиотом, – однажды остановил его на дороге и сказал:

- Ты напрасно тратишь время: никто из этих людей не мудрец. Я их прекрасно знаю, но, так как я идиот, мне никто не верит. Может быть, не поверишь и ты, но я знаю одного мудреца. Просто глядя, как ты постоянно изводишь себя этим покоем ума, я подумал, что лучше показать тебе правильного человека. Я идиот; никто не спрашивает у меня совета, и я никогда не даю никому советов. Но это было слишком: видя, как ты печален и несчастен, я нарушил молчание. Пойди к такому-то человеку в соседней деревне.

Богатый человек тут же отправился в путь с большим свертком драгоценных бриллиантов, на красивой лошади. Он прибыл в деревню и увидел человека – этот человек был известен среди суфиев как Мулла Насреддин. Он спросил Муллу:

- Не можешь ли ты мне помочь достичь покоя ума?

- Помочь? Я могу тебе его дать.

«Странно, – подумал богатый человек. – Сначала идиот предложил... и в отчаянии я подумал, что это не повредит, поэтому я пришел сюда. Этот человек кажется еще большим идиотом: он говорит, что может мне его дать».

- Ты можешь мне его дать? – сказал он вслух. – Я был у всех возможных мудрецов; все они давали советы – сделай это, сделай то, дисциплинируй себя, совершай акты благотворительности, помогай бедным, открывай больницы и так далее. Они говорили все эти вещи, и я действительно делал все эти вещи; ничто не помогает. Фактически, возникает больше и больше проблем. А ты говоришь, что можешь дать мне покой?

- Это так просто, – сказал Мулла. – Спустись с лошади. И богатый человек слез с лошади. В руках он держал свой сверток, и Мулла спросил:

- Что это ты держишь так близко к сердцу?

- Это драгоценные бриллианты, – ответил он. – Если ты сможешь дать мне покой, я отдам тебе этот сверток.

Но прежде чем он смог сообразить, что произошло, Мулла выхватил сверток и пустился бежать!

Богатый человек на мгновение пришел в шок; он не мог сообразить, что ему делать. Затем он бросился в погоню. Но Мулла в своем городе знал каждый камень, и он бежал быстрее. Богатый человек никогда в жизни не бежал, он был такой толстый... Он плакал, задыхался и пыхтел, слезы катились по его лицу:

- Меня провели как дурака! Этот человек отнял весь труд моей жизни, все мои сбережения; я остался ни с чем. Собралась толпа, все стали смеяться. Он сказал:

- Вы что, идиоты? Это что, город идиотов? Вся моя жизнь разбита, а вместо того, чтобы поймать вора, вы смеетесь.

- Этот человек не вор, он великий мудрец, – сказали они.

- Этот деревенский идиот довел меня до беды! – сказал он.

Но из последних сил, задыхаясь, весь в поту, он следовал за Муллой. Мулла вернулся на прежнее место, где по-прежнему стояла лошадь богача. Он сел под тем же самым деревом со свертком в руках. К нему, плача и рыдая, подбежал богатый человек. Мулла сказал:

- Вот твой сверток.

Богатый человек взял сверток и прижал его к сердцу.

- Как ты себя чувствуешь? – спросил Мулла. – Ощущается ли покой ума?

- Да, мне очень спокойно, – ответил богатый человек. – Ты странный человек, и у тебя странные методы.

- Никаких странных методов – простая математика. Все, что у тебя есть, ты начинаешь принимать как должное. Нужно просто дать тебе возможность это потерять; тотчас же ты осознаешь, что потерял. Ты не получил ничего нового; ты пришел с тем же свертком и без всякого покоя ума. Теперь тот же самый сверток ты прижимаешь к сердцу, и всем очевидно, каким спокойным ты выглядишь, сущий мудрец! Просто иди домой, не беспокой больше людей.

У ребенка такая же проблема: он приходит с невинностью и готов променять ее на что угодно. Он готов взять любой мусор и отдать за него свою храбрость. Он готов купить игрушки – а что еще есть в мире, кроме игрушек? – и лишиться своей ясности. Лишь когда все эти игрушки окажутся в его собственности, он поймет, что они не приносят ему никакой радости, что он не видит никакого достижения, исполненности. Тогда он осознает, что потерял – и потерял сам.

В лучшем мире каждая семья будет учиться у детей. Вы так торопитесь их учить. Кажется, никто не учится у них, а они могли бы научить многому. Вам же их научить нечему.

Только потому, что ты старше, и у тебя больше власти, ты начинаешь заставлять их быть в точности похожими на себя, нисколько не задумываясь о том, кто такой ты сам, чего ты достиг, каково твое положение во внутреннем мире. Ты нищий; желаешь ли ты того же и своему ребенку?

Но никто не думает; иначе люди учились бы у маленьких детей. Дети столько приносят из другого мира, потому что они только что прибыли. Они все еще несут в себе молчание утробы, молчание существования.

Всегда помни, доверяй неизвестному. Известное есть ум. Неизвестное не может быть умом. Оно может быть чем угодно, только не умом. Об уме определенно можно сказать одно: ум это накопленное известное. Поэтому, например, если ты видишь на дороге развилку, ум говорит: «Иди в эту сторону, этот путь знаком» – это ум. Если ты слушаешь свое существо, ему хочется идти в незнакомое, неизвестное. Существо это всегда искатель приключений. Ум очень ортодоксален, очень консервативен. Он хочет вновь и вновь двигаться по одному и тому же маршруту, по проторенному пути – по пути наименьшего сопротивления.

Поэтому всегда слушай неизвестное. И наберись храбрости двигаться в неизвестное.

Чтобы вырасти в свое предназначение, требуется великая храбрость, требуется бесстрашие. Люди, полные страха, не могут двигаться за пределы известного. Известное дает своего рода комфорт, безопасность, защищенность, потому что оно известно. Человек прекрасно знает, как с этим обращаться. Он может почти что спать и продолжать это делать – просыпаться не обязательно; это знакомство с известным.

В то мгновение, когда ты пересекаешь границу известного, возникает страх, потому что теперь ты будешь невежественным, теперь ты не будешь знать, что делать, чего не делать. Теперь ты не будешь так уверен в себе, теперь ты будешь совершать ошибки; ты собьешься с пути. Именно этот страх удерживает людей привязанными к известному, а если человек привязан к известному, он мертв.

Жизнь можно прожить только опасно – нет другого способа ее прожить. Только в опасности жизнь обретает зрелость, рост.

Человек должен быть искателем приключений, готовым рискнуть известным ради неизвестного. И, раз испытав радость свободы и бесстрашие, человек никогда не раскаивается, потому что тогда он знает, что значит жить по оптимуму. Он знает, что значит зажечь факел своей жизни одновременно с двух концов. Одно мгновение этой интенсивности приносит больше удовлетворения, чем целая вечность жизни в посредственности.

[Читать полный вариант книги](#)